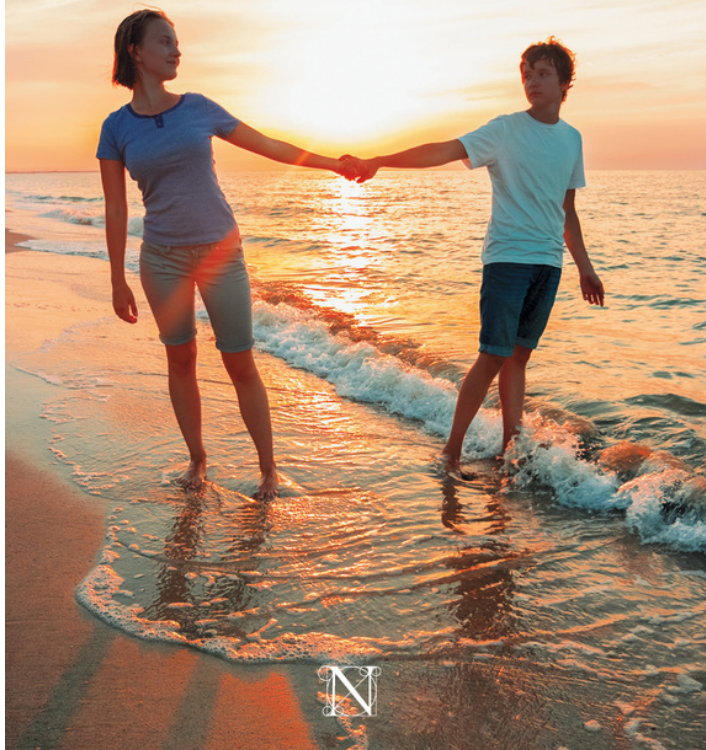

ЭМЕРИ ЛОРД
МИГ
СТОЛКНОВЕНИЯ

Эмери Лорд

Миг столкновения

Серия «Настоящая сенсация!»

<https://litres.ru/23312242>

Миг столкновения: Издательство АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-100603-7

Аннотация

Семнадцатилетний Джонас Дэниелс жил, не зная забот, пока внезапно не умер его отец. Теперь на плечи растерянного юноши легли заботы о матери, братьях и сестрах и семейном ресторанчике... Но все меняется, когда в город приезжает яркая Виви Александр, девушка, буквально заражающая всех вокруг любовью к жизни. Она с легкостью покоряет Джонаса и его родных. Однако спустя какое-то время любовь Виви к острым ощущениям начинает пугать Джонаса, и он понимает, что их отношения вновь и вновь подвергаются испытаниям. Но достаточно ли одной любви, чтобы их пройти?..

Содержание

Миг столкновения	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эмери Лорд

Миг столкновения

* * *

© Emery Lord, 2016

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Миг столкновения

Моим родным – от меня, плывущей вперед

Глава 1

Виви

Даром что в первый день стало ясно: Верона-ков – это любовь, я выждала семь дней, прежде чем отметить. Минула неделя, и вот она я – прямо посреди города вырезаю свое имя на дереве. Между прочим, ковырять карманным ножиком древнюю кору гораздо труднее, чем можно подумать. На тринадцать букв ушло три часа; по крайней мере, такое у меня ощущение. К счастью, в темное время суток Ирвинг-парк не патрулируют – впрочем, равно как и другие места. Наверняка Верона-ков не видел преступления страшнее, чем салфетка на траве. Причем тот, кто эту салфетку обронил, честно гонялся за ней да не поймал. Унесенная ветром салфетка превратилась в мусор.

И вот еще что: я совсем не прочь попасться, ведь дело сделано, память обо мне будет хранить дерево, которое старше любого из жителей Верона-ков – а их три тысячи пятьдесят один человек. После меня останется корявая строка:

Здесь была Виви.

Ручная работа как-никак; довольная, похлопываю надпись. Ну да, я совершила акт вандализма, только это – преступление на почве страсти. Парк ничуть не сердится, потому что чувствует мою любовь. Даже тщательно подстриженная трава, даже скамейки, заклеенные объявлениями, и те чувствуют.

Выбираюсь на дорожку, топаю к выходу. А здорово я сегодня припозднилась. Солнце уже виднеется над линией горизонта, и тени от деревьев прямо кружевные. Здесь, в Верона-ков, каждый дюйм пространства занят цветами. Фуксии розовеют на шпалерах, форзиции полыхают ярко-желтыми кострами. Сверху летят бледно-розовые лепестки – деревья разоблачаются, ни дать ни взять бурлеск-шоу, замедленная съемка.

Вот поэтому я и хочу остаться здесь навсегда, а не только на лето. Маме я объяснила: по сравнению с Верона-ков Гавайи – просто плавучая куча мусора. Вообще-то я на Гавайях не была, но видела фотки. Верона-ков – крохотный приморский городишко, ему самое место где-нибудь на Атлантическом побережье, например в Массачусетсе или в Северной Каролине, а он притулился на калифорнийском горбу, в самую выемку забрался. Мне довелось в разных городах пожить, так что поверьте: Верона-ков на другие не похож. Здесь улица с викторианскими домиками ведет к тропическому лесу, который, в свою очередь, ведет к Шангри-Ла.

Каждая мелочь на своем месте, будто это не настоящий город, а съемочный павильон. Хочется пощупать и крашенные решетки, и винтажные почтовые ящики, и уличные фонари, круглые, белые, будто *Луны*. Всюду чисто, но чистота не начальная, а обжитая, которую наводят регулярно и любовно.

Район, где расположены магазины, представляет собой такую сетку – три пересекающиеся улицы, с Мейн-стрит посередине. Каждое утро я прохожу мимо внушительного кирпичного ресторана и двух магазинов – хозяйственного и книжного. Направляюсь к зданию, возле которого стоит рекламный щиток. На нем розовым мелом, от руки, написано «Закусочная „У Бетти“», а ниже, печатными буквами, добавлено «Лучшие завтраки по версии „Дейли Газетт“». Еще ниже идет меню – дежурные и фирменные блюда. В витрине кофейни представлен аналогичный сертификат – «Лучший кофе по версии „Дейли Газетт“». Верона-ков – город маленький, каждое заведение – в единственном числе. Одна аптека, один бакалейный магазин, один магазин «Всё для творчества». То есть конкуренции никакой; но мне нравится, что здесь нашли время похвалить всех частных предпринимателей.

Над дверью закусочной болтаются колокольчики, они звенят, сообщая о моем появлении. В нос бьет сразу несколько запахов – кленового сиропа, кофе, перченых колбасок. Я сюда вот уже в седьмой раз захожу – потому что больше по-

завтракать негде и потому что мне на новом месте не спится.

Поскольку сегодня я задержалась, в закускойной полно тех, кому за восемьдесят. Седые головы покачиваются над голубыми виниловыми перегородками – будто облака по небу плывут.

Сама Бетти стоит за стойкой, щелкает на кассовом аппарате.

– А, привет, плюшечка медовая! Секундочку подожди.

Наверняка у Бетти в голове имеется пара игральных костей, на которых вместо точек вытравлены слова вроде «сладенькая», «дорогуша» и «детка». Входит очередной клиент, Бетти бросает кости и смотрит, какое слово/слова выпадут: «медовая плюшечка», «пончик», «сахарный пупсик». Каждое утро для меня выпадает новая комбинация, и мне это нравится. Ласковое прозвище – как печенье с предсказанием в моем любимом китайском ресторане. Конечно, я туда не ради предсказаний ходила, но без них было бы не так интересно.

Бетти выскакивает из-за стойки с упакованным ланчем в руках.

– Подожди минутку, сейчас какой-нибудь столик освободится.

Не буду я ждать; я уже заметила, кому составлю компанию. Вон тому пожилому человеку в тонком свитере.

– Ничего, я подсяду к офицеру Хайаши.

Бетти смотрит так, словно я похвалилась: сейчас выдрес-

сирую тигра, будет на задних лапах ходить и блинчики мне подносить.

– Видишь ли, детка, офицер Хайаши предпочитает завтракать в одиночестве. И обедать тоже. И ужинать.

– Это не беда.

Я улыбаюсь Бетти; мне известно то, что неизвестно ей. Офицер Хайаши вовсе не грубиян.

На третье утро я шла в закусочную и вдруг вижу: в полицейском фургоне сидит немецкая овчарка, вся такая остроугольная, настороженная, вся как струна. Я прильнула к треснутому окну и спрашиваю:

– За что они тебя загребли, красавчик?

А пес на меня смотрит гордо и невозмутимо – он же при исполнении.

– Уж, конечно, не за оскорбление и не за драку, правда, милый? Ты для этого слишком хорошо воспитан. Но и не за контрабанду. Ты не такой, да? А, поняла! За воровство. Что же ты стащил? Неначатую пиццу со стола? Или именинный пирог прямо из-под носа у бедной малютки? Сразу видно – ты тот еще сластена.

Пес принялся колотить хвостом по сиденью. И тут позади меня кто-то выдал вполголоса:

– Куриные крылышки без косточек с ямайским соусом. Это ее слабость.

Значит, это девочка. Вот я опростоволосилась! А хвостом она била, потому что увидела своего напарника – седого по-

лицейского. Он приблизился, и я прочитала фамилию на серебряном бейджике: «Хайаши».

– Она не под арестом. По крайней мере, пока.

Хайаши хлебнул кофе из стаканчика с логотипом закусочной «У Бетти».

– Ну конечно, я понимаю: она на дежурстве. Я просто хотела ее подразнить. Не сдержалась. Обожаю собак, а ваша – просто сокровище. Я в собаках разбираюсь.

– Да, она славная девочка. Ты же славная девочка, Бабс, верно?

– Как-как ее зовут?

Я буквально прыснула. Что за кличка для полицейской собаки! Была бы она мальчиком – ее бы звали Рекс, или Мэверик, или Айс.

– Это уменьшительное от Кубаба.

Еще того не легче. Я скрыла удивление и сказала овчарке:

– Рада познакомиться с тобой, Кубаба.

Потом я протянула руку полицейскому:

– Кстати, меня зовут Виви.

Он пожал мне руку.

– Надеюсь, ты законопослушная гражданка?

Я ответила ему в тон, с улыбкой:

– Не была, не участвовала, не привлекалась. По крайней мере, пока.

Потом, дома, я погуглила имя «Кубаба». И теперь я понимаю, что за человек офицер Хайаши, и знаю – он будет со

мною добр.

Подхожу к столику, говорю:

– Доброе утро!

Офицер Хайаши занят кроссвордом, пишет в клеточках синей ручкой.

– Я – Виви. Ну, помните, я еще подумала, что ваша собака арестована?

Он поднимает глаза, смотрит с подозрением – ждет подвоха.

– Помню.

– Кубаба, – продолжаю, – была единственной шумерской царицей, которая правила сама, без мужа. Она – единственная женщина, указанная в шумерском царском списке.

На лицо офицера Хайаши выползает улыбка.

– Значит, ты специально выясняла.

Самцов немецких овчарок натаскивают горло преступникам перегрызать, и офицер Хайаши назвал свою девочку так, чтобы было понятно: она им ровня.

– Могу я к вам подсесть?

Он озирается, явно ищет свободное местечко, чтобы меня переадресовать. Я мило улыбаюсь, жду, когда он сдастся. До сих пор все сдавались.

Офицер Хайаши переводит глаза на меня:

– Конечно, ты *можешь* ко мне подсесть.

Гм. Старая уловка. Предполагается, что я спрошу по-другому: «*Можно* мне к вам подсесть?»»

Но я просто проскальзываю за столик офицера Хайаши, плюхаю на сиденье сумку. И добряк Хайаши не знает, что со мной делать.

– Ты точно не была под арестом? Больно уж ты бойкая. Типичная правонарушительница.

Я бью себя кулаком в грудь:

– Ну что вы! Я ужас какая законопослушная!

Очень стараюсь не расхохотаться. Если бы даже офицер Хайаши застукал меня за резьбой по живому дереву, он бы мне ничего не сделал, потому что у него вся суровость – напускная. Он утыкается в свой кроссворд, я открываю альбом для эскизов на той странице, над которой вчера вечером трудилась. Вдохновительное слово написано вверху, подначивает меня. Ваби-саби. Сначала я думала изобразить простое розовое платье из шелка-сырца, и чтобы подол был невоверлоченный. Но увлеклась, и вот на листке – девушка с цветущими ветками вишни в руках, и розовые лепестки разлетаются, будто она кружится.

Я начинаю новый рисунок на том же развороте, время от времени кошусь на офицера Хайаши. Когда он не знает, какое слово вписать, он грызет ручку и буравит глазами газету, словно она способна испугаться и со страху выдать правильный ответ.

– Привет, куколка, – говорит Бетти, наливая кофе в мою кружку.

Конечно, я пью кофе только ради вкусовых ощущений; в

чем в чем, а в кофеине у меня потребности нет. Я почти все в жизни для того делаю, чтобы аромат уловить, а вовсе не из необходимости.

– Ну, что – сегодня вафли заказываем? – уточняет Бетти с логическим ударением на «вафли».

В первое утро я заказала первое блюдо из меню – омлет классический. Решила пробовать все по порядку. Омлеты уже пройдены.

– Да, да, вафли! Наверняка они восхитительны!

– Ваш заказ, Пит.

Бетти ставит тарелку на стол. Глазунья с хрустящим беконом на теплой булочке. Просто слюнки текут. Я до этого блюда еще не дошла.

– Ну-с, – офицер Хайаши берется за вилку. – Как жизнь, Мэрилин Монро?

Касаюсь своих кудрей.

– Никакая я не Мэрилин. Я – это я.

Офицер Хайаши занят яичницей, соглашается не глядя.

– Ты так ты.

А что, разве нельзя? В последние месяцы я немного потолстела, стала девушкой с формами. Ну и подумала: если когда и краситься в платиновую блондинку, если когда и подстригать волосы ниже ушных мочек, то сейчас – самое время. Словом, я развела краску, приготовила смесь для перманента – и вот результат. Про Мэрилин Монро я ничего не знаю, а кудряшки пляшут от ветерка, и голове пушисто и

легко. Вздумается лесным феям позвать меня в свой круг – а я уже готова. Ну и понятно, что к прическе «под Мэрилин» нужны ярко-красная помада и такой же лак для ногтей.

Я читала, у животных окраска служит либо для маскировки (называется мимикрией), либо для того, чтобы предупредить хищников или привлекать партнеров. Ха! Пожалуй, мои красные губы, нарумяненные щеки и платиновый перманент выполняют все три функции. Или я просто люблю перевоплощения.

Бетти приносит вафли. Отодвигаю блокнот, чтобы освободить место; вооружаюсь вилкой. Это разгул углеводов какой-то; это блаженство. Тесто, золотистое от сливочного масла; густой иней сахарной пудры.

Офицер Хайаши уставился в мой блокнот, остатками булочки подчищает желток.

– «Ваби-саби». А ты знаешь, что это такое?

– Насколько я понимаю, – говорю я с важным видом, – «ваби-саби» – слово непере译имое. «Ваби» может означать «простой», или «абсолютный», или «преходящий». «Саби» – это что-то вроде «увядший». Или «увядающий». Короче, старый. Вместе «ваби» и «саби» означают «видеть красоту в безыскусности и естественности». В мимолетности. И даже в увядании.

Офицер Хайаши одним глотком допивает кофе.

– Откуда ты все это узнала?

– От подруги.

Имею ли я право по-прежнему называть Руби подругой? Мысленным взором я постоянно вижу ее: черные волосы, рваная челка, густо-розовая помада. Я так скучаю по ней и по ее родным, что впору завывать.

– Прошлой весной мама моей подруги участвовала в мультимедийном шоу. Сравнивала японское представление об эстетике, на котором ее воспитывали, с западным представлением об эстетике, которое изучала в колледже.

Прежде чем офицер Хайаши успевает отреагировать, я со вздохом киваю на нарисованное платье и вишневые ветки.

– Вот, пытаюсь перенести некоторые положения японской эстетики в мир моды. Правда, для меня лично они не годятся. В одежде я предпочитаю раскрепощенность и дерзость. Наверно, я, когда наконец-то попаду в Японию, буду следовать уличной моде. А вы бывали в Японии?

– Нет, не пришлось. Но мне... – Хайаши медлит, достает деньги из бумажника, – мне всегда хотелось поглядеть на Кинкаку-дзи.

– На Золотой Павильон?

Хайаши кивает.

– Моя мать рассказывала о нем буквально с благоговением.

– Почему ж вы не побывали в Японии, раз вам так хочется?

– Не знаю. Закрутился. То одно, то другое...

Офицер Хайаши надевает потрепанную бейсболку и, не

прощаясь, выходит из-за стола.

Я тоже не задерживаюсь в закусочной. Перед работой надо еще кое-что сделать.

Ежедневный ритуал. Верона-ков расположен выше уровня моря, так что, если идти все время на запад – не важно, по какой именно улице, – выйдешь на обрывистый берег, к скалам. Некоторые нависают прямо над океаном, другие спускаются к воде более плавно. Калифорнийское побережье представлялось мне оживленным, с серферами, ловящими волну, с разноцветными пляжными зонтиками. Но здесь безлюдно и тихо – только прибой накатывает да чайки перекликаются. Я стою у обрыва, вся в россыпи брызг, как в тумане. Океан – прямо подо мной; этот факт потрясает даже на седьмой день пребывания в Верона-ков. Лучшие архитекторы, дизайнеры, художники перед мощью и великолепием природы выглядят жалкими дилетантами. Здорово, что я могу стоять вот так, охватывать взором сразу и синее небо, и волны с белыми барашками; чувствовать подошвами каждый выступ скальной породы.

Еще в закусочной я запаслась вафельными крошками. Птицы набрасываются на неожиданный завтрак, пока я шарю в сумочке. Нужно кое от чего избавиться – за этим-то я и пришла на утес. Вот у меня два кислотно-оранжевых пузырька; не перепутать бы.

Таблетки такие гладкие на ощупь. Пальцем вылавливаю одну из них, держу в ладони. Я кружусь на месте, потому

что по опыту знаю: хочешь подальше забросить невесомую таблетку – накопи энергию. Энергия высвободится одновременно с разжатием пальцев.

Таблетка летит вниз, я почти слышу «плюх», когда она достигает поверхности океана. Не исключено, что ее заметит какая-нибудь рыба, высунет голову, чтобы заглотить таблетку своим круглым рыбьим ртом. И, если эта рыба страдала резкими перепадами настроения, ей наверняка полегчает. Ну же, рыбка, сделай «ам».

Поворачиваюсь к океану спиной, иду в студию росписи керамики. Лучшей работы на лето и представить невозможно. Никакого дресс-кода, а делать надо только одно – наблюдать, как люди создают произведения искусства. Есть в этом что-то от вуайеризма, только не на тело глядишь, а на обнаженную душу. Настоящее колдовство; колдовство, говорю вам.

С работой мне ужасно повезло. На второй день сижу я на скамейке возле студии, жду, когда откроется, чтобы покреативить малость. Хозяйка появилась через час после заявленного времени, я успела целый карандаш извести на эскизы платьев. У хозяйки – ее зовут Уитни – оказалась очень теплая энергетика и лучшие кудри из всех, какие я когда-либо видела. Не меньше тысячи тугих-претугих завитков, честное слово! Я на них так и уставилась. Смотрю и оторваться не могу. Не иначе, эти кудри Господь Бог собственноручно создавал. Использовал щипцы диаметром с карандаш номер два. Извинения Уитни тонули в оправданиях – она, мол, вчера

до ночи занималась резьбой по сырой глине, вот и проспала. Снова.

Час мы работали – я расписывала пиалу для мамы, Уитни расставляла глазури по оттенкам, начиная с красных и заканчивая фиолетовыми. Она продолжала извиняться, и в конце концов я сказала, чтоб она не заморачивалась, я вот вообще почти не сплю. Она пошутила: не поработаю ли я в мастерской в утренние часы, всего несколько дней, пока она, Уитни, отоспится? Я сказала, что как раз ищущу работу. Тут она перестала смеяться, уточнила, серьезно ли я говорю, и предупредила, что зарплата будет минимальная. Что я ответила, вы и сами можете догадаться, потому что вот она я, шарю в сумке, ищущу ключи от мастерской.

Свернув на Хай-стрит, я заметила, что на скамейке под вывеской «Вдохни жизнь» сидят двое – маленькая девочка в розовых кедах и темноволосый парень моих лет. Даже на расстоянии видно, что буйная шевелюра – не сознательный выбор парня. Просто он давно не стригся. Волосы взъерошенные и чуть вьющиеся. Вот же повезло. Будь у меня такая шевелюра, я бы ни к ножницам, ни к краске в жизни не прикоснулась. Ничего бы не стала менять на своей голове.

Эти двое разговаривают, девчушка болтает ногами. Парню на вид лет семнадцать-восемнадцать, в отцы он ей не годится, хотя выглядит очень, я бы сказала, по-отечески. Под глазами у него темные круги; наверно, в них-то все и дело. Или дело в одежде. Штаны цвета хаки и темно-синяя фут-

болка с карманом на груди слева – это не стильно и не старомодно. Это – практично. Похоже, парень слишком поглощен заботами, чтобы вообще сообразить, насколько он хорош собой.

– Доброе утро! – здороваюсь я.

Оба смотрят так, будто перед ними ожил мультяшка.

– Привет.

Парень резко встает, девчужка следует его примеру.

– Вы хотели заняться росписью?

– Да, – отвечает парень.

Девчужка кивает.

– Ну так заходите.

Продолжая шарить в сумочке, делаю пригласительный жест. Улыбка у меня самая очаровательная – надо же расшевелить этих двоих. Сама я молчание не жалею. Не мой стиль. Лучше буду за двоих вести разговор, чем на ощупь пробираться траншеей тишины. Правда, я не знаю, что им сказать. Мысли возвращаются к сегодняшнему завтраку и к офицеру Хайаши.

– А вы местные или отдыхающие?

Придерживаю дверь, пропускаю их в мастерскую. Парень откашливается.

– Местные.

– Отлично.

Дверь за нами закрывается, я плюхаю сумку на стол.

– Не знаете, полиция в Верона-ков очень суровая? В смыс-

ле, полиция сурова к человеку, который раньше не привлекался к ответственности, но, допустим, несанкционированно украсил резьбой экземпляр местной флоры? Разумеется, выяснить это меня попросила подруга.

Глава 2

Джонас

Не сегодня завтра я этот будильник точно уничтожу. Специально не выставляю время на сотовом – велика вероятность, что вышвырну его из окна мансарды. Каждое утро, услышав ненавистный писк, я мысленно сжигаю мерзкий механизм. Кладу будильник на сковородку, ставлю на огонь. Смеюсь, наблюдая, как он плавится. В те редкие утра, когда мне удастся почти проснуться, мое воображение устраивает будильнику пышные похороны по-викингски. А назавтра писклявый гаденыш тут как тут.

Ощупью сползаю по лестнице. Надо. Найти. Кофе. Потом – в душ, собрать стирку, выгрузить посудомоечную машину, двигать на работу. Прежде чем удастся выполнить пункт первый, в кухню врывается голос:

– Джонас! Мы-и-дём-и-дём-и-дём!

Каждый слог Лия отбивает ножкой по кухонному линолеуму. Она уже полностью готова, даже свои розовые кроссовки надела. Мне было одиннадцать, когда Лия родилась. До сих пор не верится, что она уже доросла до завязывания шнурков.

– Куда мы идем?

Лия растягивает улыбку.

– Раскрашивать мисочки. Я всю свою работу делала, и ты

обещал.

Черт. Я и правда обещал. Лия складывает ручонки на груди.

– На прошлой неделе, то ли в среду, то ли в четверг, ты сказал, что в понедельник поведешь меня раскрашивать мисочки. Сегодня понедельник. Значит, мы идем.

– Ты права.

Я недостаточно проснулся, чтобы сообразить, как я все успею. К одиннадцати нужно быть в ресторане, а старшие брат с сестрой уже ушли на работу. Не тащить же младших в студию росписи. О некоторых людях говорят, что они как масло и вода – не смешиваются, в смысле, не ладят. Но Исаак и Бека – это не масло и вода, это скорее масло и раскаленная сковородка. Стоит им сойтись – и шипенье, горячие брызги, а то и пожар гарантированы. Беке – одиннадцать, Исааку – восемь. Вчера утром у них был матч по воплям – кому сидеть перед теликом в кресле с откидной спинкой. Бека запустила в Исаака подушкой, промазала. Итог – разбитая ваза. Пришлось обоим посадить под домашний арест. Не знаю, пройдет их или нет, но формулировка звучала внушительно.

– Так мы идем? – спрашивает Лия.

– Да.

– Да, да, да!

Беру чашку со стола, поворачиваюсь к Лие:

– Овсянку будешь?

– Нет. Я буду тостик с арахисовым маслом и с бананом.

Только Бека не стала мне тостик поджаривать.

– Как насчет овсянки с арахисовым маслом и с бананом?

Лия морщится.

– Ладно. Тостик, значит, тостик.

Руки уже тянулись к пакету с овсяными хлопьями.

Меняю траекторию, отрезаю ломтик хлеба, сую в тостер. Даю Лие банан и тупой нож. Она держит нож в правой руке, банан – в левой, поджав пальчики, как я ее научил. Меня самого этому научил отец в кухне своего ресторана. Отец также продемонстрировал, что бывает с теми, кто не освоил технику защиты пальцев. Для показа он использовал кетчуп – типа это кровь – и актерские способности. Мне тогда было девять. Впечатление осталось неизгладимое.

Хлеб выскакивает из тостера. Кладу его на тарелку и ставлю перед Лией. Она размазывает по тосту арахисовое масло, говорит с улыбкой:

– Сегодня я для мамочки кофейную чашку раскрашу.

– Молодец, хорошо придумала.

Наливаю себе кофе. В кухню входит Исаак. Как всегда, перед носом, на вытянутых руках, у него книга. Исаак умеет читать на ходу. Нет, даже не так: он лучше передвигается во время чтения, чем среднестатистический человек передвигается, больше ничего при этом не делая. Исаак ловко огибает уличные вывески, поднимается по ступенькам, лавирует между пешеходов. Есть на что посмотреть. Исаак взглядывает на нас с Лией, в его очках отражена дверца холодильника.

– Ты вроде сказал, мы идем расписывать посуду?

– Мы – да, идем, – говорю я.

– Да, да, да! – ликует Лия.

– Круто! Я с вами.

– Как бы не так. Ты под домашним арестом. И потом, посмотри на график дежурств. У кого за месяц ни одного пропуса?

Исаак щурится на график, сочиняет железные аргументы:

– Ну, только у Лии. Так нечестно! Ей самая легкая работа, потому что она младшая! Подумаешь, стирку сортировать и на стол накрывать! С этим любой справится.

Лия смотрит сердито. Подавляю импульс ущипнуть брата.

– Лие всего пять лет. Она делает что может, и ее, заметь, дважды просить не приходится.

Вот когда мама составляла график, никто не спорил. Каждый выполнял задания, прописанные против его имени. Мама решала, чем и как занять нас, всех восьмерых. Она подписывала разрешения на участие в школьных мероприятиях. Она пекла вафли по понедельникам, чтобы смягчить поствоскресный шок. Тридцать первого декабря она убирала коробку с рождественскими украшениями. Но это все было раньше, до того как нас осталось семеро.

Папа был замечательным человеком. Во всех смыслах и во всем. Громадного роста, с раскатистым смехом, с широкой душой. Время от времени я смотрю на семейные фотографии, где мы все вместе, и представляю, что папа вдруг

исчез. И знаете что? Вся картинка распадается. Точно то же самое происходит с нами в реальной жизни.

Папа шутил: дескать, он бы давно голову где-нибудь позабыл, если б мама ее вовремя не пришила. Я тогда не понимал смысла шутки, во все глаза смотрел на папин воротник. Ожидал увидеть зигзагообразный шов на шее, в стиле Франкенштейна. А потом папа умер, и выяснилось, что мама так же на него полагалась, как и он на нее. Теперь мама почти не выходит из спальни. Иногда мне кажется, она лежит и шепчет сердцу: «Бейся. Бейся. Бейся», легким: «Вдох. Выдох. Вдох. Выдох». Как будто все силы у нее уходят на то, чтобы просто существовать.

Поднимаюсь по лестнице. Бека окликает меня из детской, которую делит с Лией. Бека стоит на коленях, роется в нижнем ящике комода.

– Джонас! Ты не видел мои синие шорты?

– Нет. То есть, кажется, они в стирке.

Бека рычит. Минимум половина ее реплик в общении со мной приходится на рычание.

– Я их надеть хотела!

– Тогда сама свою одежду стирай.

Продолжая рычать, Бека подходит к платяному шкафу, нарочно топает. Делаю глоток кофе. Когда и посмаковать горечь, как не сейчас.

– Что стряслось?

Это первое, что выдает Сайлас по телефону. Мой стар-

ший брат работает в кофейне начальником смены, на заднем плане слышатся знакомые звуки: урчит вспениватель молока, переговариваются официанты.

– Сайлас, ты не мог бы пораньше освободиться?

– Что? Да я специально в самую раннюю смену прошусь, чтобы успеть домой прежде, чем ты в ресторан уйдешь.

– Да, конечно. Только я пообещал кое-куда сводить Лию – и забыл.

– А Беку с Исааком ты разве не можешь прихватить?

Еще бы. С удовольствием. Оставлю их на обочине, снабжу табличкой: «Бесплатно в хорошие руки».

– Вчера я их под домашний арест посадил.

Следует пауза. Сайлас молчит, но в телефонном пространстве слышны слова, много раз сказанные между мной и Сайласом. Что, если Исааку взбредет провести дома научный эксперимент? Что, если Бека сбежит с подружками на озеро? Узнает ли об этом мама? Может, это событие выведет маму из ступора. Или не выведет. Оставить Исаака с Бекой дома с мамой – все равно что оставить их совершенно одних. Но ведь Беке уже одиннадцать.

– Ну так оставляй, только маме скажи. Ничего с ними не случится.

Связь прерывается, я в ужасе перед своим следующим шагом. Не могу определить, когда стал сам себе казаться надзирателем, запертым в психушке вместе с пациентами.

Дверь в мамину спальню приоткрыта, я медлю, прежде

чем войти. С тех пор как умер папа, мама больше времени проводит в спальне, чем при его жизни. В хорошие дни она хоть со скрипом, но поднимается с постели. В плохие дни мне кажется, я смотрю замедленную съемку ее умирания.

– Мама?

Она реагирует так, словно нас разделяет часовой пояс. Вымучивает улыбку. Никогда к этому не привыкну. Затворничество выбелило ее щеки. Раньше они были такие румяные. От смеха. От беготни по двору с Исааком и Лией.

– Привет, дружок.

– Привет.

Подхожу к ней ближе – но не настолько близко, чтобы присесть на кровать.

– Мам, я обещал, что свожу Лию в студию росписи керамики. Сайлас вернется с работы после десяти, поэтому Исаак с Беккой пару часов побудут дома.

– Ладно.

Она поворачивается в постели, ко мне лицом.

– Извини, что я не приготовила им завтрак. Я сегодня совершенно без сил.

Сегодня и каждый день в последние шесть месяцев. Однако же по воскресеньям она встает, ходит в церковь. Ее извинения – притворство. Впрочем, как и ее вопросы. «Ты не упакуешь ланч для младших?» «Ты не сводишь Беку на занятие футбольной секции?» Она всегда спрашивает; всегда благодарит. Я бы так и так все делал. И ей это известно.

– Ничего страшного, мам.

Нет смысла культивировать в ней чувство вины. Она не в силах почувствовать себя лучше. Я не в силах ее заставить. И никто из нас шестерых не в силах. Мы можем только не усугублять ее состояние.

– Спасибо, дружок.

Улыбка у нее почти настоящая.

– Что бы я только без тебя делала?

Честно – не знаю. Должна же она понимать: мы выполняем ее работу. Мы, трое старших, день за днем пытаемся заменить обоих родителей. Я бы, наверно, встряхнул маму, не будь у нее такой вид – будто она сломаться может.

Влезаю в те же штаны и футболку, что были на мне вчера, успеваю заметить собственное отражение в зеркале. Боже, когда это я так оброс? Хотя чего удивляться? В последний раз Кэндис Майклс чуть ли не силой затащила меня в свой салон, усадила в парикмахерское кресло. Как бродячего пса.

– Чтоб без меня были как шелковые. Дознаюсь, Бека, что вы опять дрались – сдам все твои лаки для ногтей в студию росписи. А твои драгоценные книжки, Исаак, просто сожгу.

Бека закатывает глаза. Исаак сидит, уткнувшись в книгу. Лия пританцовывает – я это вижу боковым зрением. Восторг в ее личном пространстве не умещается. Лие нужно кружиться, чтоб восторг по всей гостиной распределился.

Вообще-то машина у нас есть, но мы на ней только за город ездим – например, в конце лета на школьный базар или

чтоб посмотреть фильм в 3D, когда нам надоедает наш допотопный кинотеатрик. Еще моя старшая сестра, Наоми, ездит на практику. Мы не возражаем. Верона-ков – город маленький, можно и пешочком пройтись. На каждый мой шаг у Лии приходится два прыжка. Нам попадаетея миссис Альбрехт с Эдгаром. Эдгар – пудель, а похож на свою хозяйку, будто он ей родня.

– Привет, ребята, – здоровается миссис Альбрехт.

Мы ей машем, Лия гладит Эдгара по голове. Слева от нас двое в полной экипировке поглощены спортивной ходьбой. Эти с нами не здороваются. В Верона-ков живут люди двух типов: отпускники и местные. Мы с Лией – местные в третьем поколении.

Не скажу, что у нас тут борьба за сферы влияния. Нет, все не так серьезно. Местные делают бизнес за счет отпускников; местные даже симпатизируют отпускникам. Отпускники, в свою очередь, о-бо-жа-ют наш город. Именно так они говорят, с ударением на каждый слог. Местные его просто любят – как воздух. В любви к воздуху не признаются; о ней даже не думают. Воздух просто находится в легких. И в крови.

Мы с Лией заходим в кофейню. Я – за дополнительным кофе, Лия – посмотреть, как работает Сайлас.

– Привет, – говорит Сайлас и вручает мне черный кофе в дорожном стаканчике. – Ну что, решил насчет младших?

– Дома их оставил. Всего-то на час, от силы на два. В конце концов, нельзя же их все время караулить.

– Мне не видно! – жалуется Лия.

Подхватываю ее под мышки. Лия обожает изнанку любого дела. Сайлас выдавливает взбитые сливки на поверхность напитка, добавляет шоколадный соус. Лия хлопает в ладоши. Сайлас не первый день в кофейне работает, но Лия до сих пор не привыкла. Надо же – ее брат за барной стойкой. Сайлас улыбается, подвигает к Лие миниатюрную чашечку. Горячий шоколад. Лия визжит от счастья, но Сайлас прижимает палец к губам, подмигивает ей. Лия его копирует, тоже подмигивает – неумело, нарочито: глаз слишком долго закрытым держит.

Какой-нибудь психолог, пожалуй, сказал бы: мы ее балуем, потому что она у нас младшенькая. На самом деле мы балуем Лию потому, что она до невозможности славная.

По пути к студии я пью кофе, Лия, причмокивая, тянет горячий шоколад. Мы усаживаемся на деревянную скамейку возле входа, обсуждаем планы на лето. Я планирую стать виртуозом в приготовлении соуса бер-блан, а еще бегать трусцой по пляжу, чтобы не умереть от инфаркта, как папа. Но Лии, конечно, я свои планы иначе подаю. Мол, хочу попробовать пару новых рецептов и выучиться бегать быстрее. Лия хочет часто-пречасто ходить в библиотеку, посмотреть мульт про уток и построить песчаный замок больше прошлогоднего. Мы как раз обсуждаем, каким он будет, наш замок, когда я вдруг чувствую: справа кто-то стоит.

– Доброе утро!

На нас сверху вниз смотрит девчонка с платиновыми кудрями, с помадой оттенка коктейльной мараскиновой вишни. В нашей школе такие не водятся. Я таких вообще живьем никогда не видел. Выражение лица у нее... счастливое. В смысле, девчонка от нашего присутствия не скисла.

– Привет.

Встаю резко, чуть не теряю равновесие.

– Вы хотели заняться росписью?

Девчонка указывает на дверь студии. Лия кивает, я продолжаю блистать красноречием:

– Да.

– Ну так заходите.

Широкая улыбка, приглашающий жест, возня с замком. Я тем временем смотрю на Лию. Мол, мы должны ее знать, верно? Она ведь здесь работает, следовательно, живет в нашем городе. Но Лие не до меня – она во все глаза разглядывает девчонку.

– А вы местные или отдыхающие?

Девчонка распахивает дверь, мы с Лией входим в студию.

– Местные.

– Отлично.

Она хлопает в ладоши, закрывает дверь, плюхает на пол сумку.

– Не знаете, полиция в Верона-ков очень суровая? В смысле, полиция сурова к человеку, который раньше не привлекался к ответственности, но, допустим, несанкционирован-

но украсил резьбой экземпляр местной флоры? Разумеется, выяснить это меня попросила подруга.

Раскрываю рот, слабо представляя, как ответить. Но девчонка уже со смехом ведет Лию к столу.

– Вот вечно я так! Сама впереди себя бегу. Дело прежде всего. Роспись по керамике! Сюда, сюда. За то, что рано проснулись, вам приз полагается. Знаете какой? Можете выбрать любой стол, вот! До чего ж я рада, что в такую рань у меня посетители. В смысле, не поймите меня неправильно. Мне и одной нескучно. Я – сама себе компания.

Девчонка продолжает в том же духе. Лия выбирает стол в квадрате света, что льется из окна; остальные столы освещены гораздо хуже. Я иду за Лией, кошусь на девчонку. До чего же хороша. Девчонка исчезает в подсобке. Честное слово, она на вид – точь-в-точь как лимонный меренговый пирог на вкус. Солнце с пикантной кислинкой. Она появляется вновь, надевает на Лию розовый фартучек, наклоняется, завязывает тесемки.

– Ну и как тебя зовут?

Лия взглядывает на меня. Она всегда так разрешения спрашивает – одними глазами. Я киваю – тоже как обычно. Для разговоров мое разрешение необязательно. Но Лия молчит, и тогда девчонка тоже кивает:

– Вот умница. Не разговариваешь с незнакомыми людьми. Я вот, когда была маленькая, всегда с чужими болтала. Впрочем, я и до сих пор не научилась держать язык за зубами.

Правда, на работе такая болтовня называется «обслуживание клиентов».

Алые губы двигаются быстро-быстро, раскрываются, округляются, артикулируя каждый слог.

Девчонка протягивает Лие руку:

– Меня зовут Виви. Мне шестнадцать, а скоро будет семнадцать, я приехала сюда на лето, живу на Лос-Флорес-драйв. Мой любимый цвет – синий, я обожаю собак и мороженое, а еще – смеяться так сильно, чтоб чуть-чуть в трусы не намочить.

Лия поджимает губки, давит улыбку в зародыше. Девчонка – то есть Виви – глядит победительницей.

– Ну вот, я больше тебе не чужая. Ты теперь знаешь про меня всякие вещи, в том числе – один постыдный факт. И все равно, если не хочешь, можешь не говорить, как тебя зовут.

– Меня зовут Лия.

Лия чуть стискивает и поспешно отпускает руку Виви.

– Я очень рада познакомиться с тобой, Лия. А тебя как зовут, лакомый кусочек?

Виви склоняет голову набок, в мою сторону. Она что, меня лакомым кусочком назвала? Меня только один человек так называет – Бетти. Но ей – шестьдесят с хвостом, она меня знает с рождения.

– Или ты тоже не доверяешь чужим?

– Джонас.

Говорю низким голосом, в доказательство, что я – парень.

А никакой не лакомый кусочек. Ее смех – как звон китайского колокольчика. Не понимаю, что смешного. Она становится на цыпочки, чтобы набросить мне на шею хомут фартука.

– Я не собираюсь заниматься росписью. Я просто привел сестру.

– Глупости, Джонас.

В мгновение ока Виви оказывается позади меня, завязывает тесемки фартука у меня на талии, точь-в-точь как она это проделала с Лией. Я не возражаю. Она оглядывает меня в фартуке, улыбается, переводит глаза на Лию.

– По-моему, краски по тебе уже просто истосковались. Очень советую с ними не церемониться. Знаешь, сколько в мире оттенков? Восемьдесят шесть тысяч! Наверняка ты сможешь использовать как минимум половину из них. Чем больше, тем лучше!

Лия загребает столько пузырьков, сколько способны удержать ее ручонки, и прихватывает две чашки. Значит, я тоже буду заниматься росписью. Окунаю кисточку в темно-синюю краску. Лия склонилась над своей чашкой, уже полностью ушла в работу. У меня кисточка широкая, я методично вожу ею по керамической поверхности. Возвращается Виви с рулоном бумажных полотенец и большой банкой чистой воды. Садится рядом со мной. На сей раз я намерен заговорить первым. Может, развею впечатление о себе как о законченном пентюхе.

– Ну и как тебе Верона-ков?

– Как любовь с первого взгляда. Я думала, здесь сплошные пафосные виллы и отели-небоскребы. Оказалось – ничего нарочитого, ничего показного. Душа во всем чувствуется. Винтажные домики; гостиницы «постель и завтрак». Я просто очарована.

Киваю, не отвлекаясь от чашки. Закрашиваю шероховатую поверхность широкими синими мазками.

– У нас в постановлении о зонировании городской территории запрещено выделять больше трех тысяч квадратных футов на одно домохозяйство. И отели строить запрещено, кроме трешек «постель и завтрак».

Виви моргает, усваивает новую информацию. Боже, что я несу! Не ожидал от себя такого идиотизма. Эта девушка, возможно, на трех языках говорит. У нее, пожалуй, есть крутой парень лет этак на семь старше и акустическое пианино. Или и то, и другое. А я выдаю выражения типа «зонирование городской территории»!

– Это очень интересно.

Ресницы дрожат. Они темные-претемные, затеняют синие глаза. Стоп. Она что, сказала «очень интересно»? Без намека на сарказм?

– Меня интересует история Верона-ков, потому что я никогда подобных городов не видела. Хочу знать, почему все здесь устроено так, как устроено, а не иначе. Понимаешь, о чем я?

С языка так и рвется: «Да! Да, красавица, я все понимаю.

Я проник в твою суть. Мы с тобой родственные души». Но, по причине упомянутого ранее идиотизма, я только плечами пожимаю:

– Я тут с рождения живу.

– Ну так вот что я тебе скажу. Ты везунчик; ты самый счастливый билет вытянул. Не каждый, далеко не каждый человек проводит детство в таком красивом городе. Нет, даже не так. Город не просто красивый, он – маленький. Ты называешь свое имя – и люди его сразу же запоминают.

Черт возьми, где же эта девушка живет, что люди ее имени не помнят? Наверно, в Нью-Йорке.

– А ты сама откуда?

– Да я в разных местах жила. Последнее – Сиэтл. Собственно, в Сиэтле я жила дольше всего по времени. Я там родилась, потом мы переехали в Боулдер, но через год вернулись в Сиэтл. Опять переехали – в Юту, потом в Сан-Франциско – и снова обратно в Сиэтл. Там мы жили несколько лет. И вот теперь здесь живем.

– Сиэтл. Город, где часто идут дожди.

Гениально. Мне явно светит титул «Собеседник года». Буду продолжать в том же духе – выдавать основные факты об американских городах, – пока Виви не пожелает прошвырнуться со мной вечерком. К моему изумлению, она улыбается.

– Ну да, дожди там часто идут. Но часто и не идут.

Об этом в энциклопедиях не написано. Дождливая пора

кошмарна, зато солнечные дни в Сиэтле гораздо лучше, чем где-либо еще.

– Значит, здесь ты поселилась на Лос-Флорес. А в каком доме?

– В том, который самый современный. Ричард – это хозяин – главный покупатель у моей мамы. На лето он уехал в Китай и вот пригласил нас пожить у него. Ричард предположил, что морские пейзажи будут вдохновлять маму. И оказался совершенно прав.

Виви подвигается ко мне, прикрывает рот ладошкой:

– Вдобавок Ричард неженат. Между нами: мне кажется, он от моей мамы без ума.

Меня дергают за рукав. Лия принесла показать свою работу – разноцветные сердечки, нарисованные нетвердой рукой. Пространство между сердечками закрашено в цвет морской волны.

– Очень красиво получилось, Лия. Маме понравится.

Лия улыбается, но тут вступает Виви:

– Боже, это ведь просто ах! Ты художница, да?

Лия морщит лобик:

– Не-а.

– Ну так вот что я тебе скажу. Ты очень, очень талантливая. Многие люди гораздо старше тебя в жизни так не рисуют. Уж я-то в этом разбираюсь, потому что моя мама – настоящая художница. В смысле по профессии. Я сразу вижу, у кого есть талант, а у кого нету. Вот у Джонаса, например,

ни малейшего таланта к живописи.

Лия хихикает. Ее щеки розовеют от гордости. Мои, наверно, тоже порозовели. Открываю рот, чтобы высказаться в защиту своей однотонной синей чашки, но Лия меня опережает:

– Твоя мама правда художница?

Я в шоке. Дома Лия всегда говорит что думает. Но при посторонних, даже при своих подружках из садика, отмалчивается.

– Правда. Поэтому-то мы сюда и приехали. Чтобы мама рисовала солнце и океан.

Лия обдумывает информацию.

– И ты здесь никого не знаешь?

Виви пожимает плечами:

– Ну, кое с кем я успела познакомиться. А что? Ты мне можешь друзей порекомендовать? Или развлечения? Или скажешь, где лучше всего кормят?

– Скажу, – отвечает Лия. – У нас дома.

– У вас дома? – улыбается Виви.

Лия кивает.

– Джонас, можно Виви сегодня придет к нам ужинать?

– Ну...

В смысле, я бы с радостью пригласил эту девчонку на ужин. Но только не к себе домой. Незачем ей знакомиться с моей крезанутой семейкой. Лия и Виви смотрят на меня. Отговорки в голову не приходят. У нас продуктов нет? Вра-

нье: я всегда покупаю продукты оптом – так дешевле. Правда слишком тяжела: моя мать в глубокой депрессии, и у меня пятеро братьев и сестер, каждый со своим заскоком. Виви заглядывает мне в глаза, я телепатирую: пожалуйста, избавь меня от этой пытки – наблюдать твой шок от моих родных. От препирательств и грызни. От бьющего в глаза отсутствия родителей.

– Конечно. Если Виви так хочется.

Виви хлопает в ладоши, Лия улыбается. Я пока ничего не сделал. Значит, ничего и не потеряно. Лия подбросила идею – будто бомбу с часовым механизмом вручила, – а я расписался в получении. Теперь эта бомба взорвется у меня в руках.

– Что у нас на ужин? – спрашивает Лия.

– Пока не решил. А что ты хочешь?

– Пиццу. Только не магазинную. Я хочу твою пиццу.

Лия взглядывает на Виви:

– Джонас так пиццу печет – пальчики оближешь.

Что ж, пицца – удовольствие недешевое, но я ее испеку, так и быть. Лия встает, идет выбирать очередной оттенок краски. Она отошла достаточно далеко, можно повесить голову. Что я и делаю.

– Если не хочешь, принимать приглашение совсем не обязательно. Лия поймет.

– Очень даже хочу.

Виви прищуривается на меня, словно я несусветную глу-

пость выдал. Словно принять приглашение пятилетнего ребенка – дело самое обычное.

– Я уже сказала – я здесь недавно, никого толком не знаю. И потом, моя мама не готовит, я на ужин хлопьями пробаиваюсь. Уже целую неделю. Хлопья, правда, вкусные, но неплохо бы поесть чего-нибудь горяченького. Питательного чего-нибудь. Так во сколько у нас ужин?

– Гм...

Я медлю с ответом. Прикидываю, сколько времени нужно, чтобы купить продукты, дойти с работы до дому, замесить тесто. А заодно прибраться, сделать братьям и сестрам внушение, чтобы прилично вели себя при Виви. И решить, нужно ли рассказывать ей о родителях. И/ или объяснять их отсутствие за столом. Получается две недели. Минимум.

– Вот как мы поступим.

Виви хватает меня за левое запястье, тянет к себе всю руку. Сырые прикосновения к коже, прохлада кисточки, обмакнутой в краску. Секунда – и дело сделано, на моей руке – десять темно-синих цифр. Ее телефонный номер размахнулся от бицепса, от края рукава футболки, до основания ладони.

– Скинь сообщение, когда определишься со временем.

И вот мы с Лией на улице. Мы пробыли в студии меньше часа. За это время Лия завела новую подружку, а я получил номер сотового этой подружки длиной во всю свою руку.

– Полная аномалия, да, Лия?

– Ага, номалия, – эхом отзывается сестренка.

Словом, у меня полдня на лакировку собственной жизни.

Пусть хотя бы выглядит обычной, пусть не сразу отпугнет эту удивительную девушку. Мне нужен план. Мне нужна стрижка. И, пожалуй, дротики со снотворным для Исаака и Беки. Лия идет по бордюру, воображает себя воздушной гимнасткой. Выжидаю секунду, потом спрашиваю:

– Лия, можешь оценить аномальность нашей семьи по десятибалльной шкале?

– Сто, – сразу отвечает Лия. – У нас – полная номалия.

По большей части мне кажется, что я едва-едва справляюсь. Но, если моя младшая сестренка не считает нашу жизнь кошмарной, даром что у нас нет отца, а вместо матери – призрак, значит, мои усилия не напрасны. «Полная номалия». Для кого-то – сомнительно звучит. Для меня – в самый раз.

Глава 3

Виви

– Доброе утро, Виви!

Уитни на всех парах бросается к стойке. Лицо в обрамлении мелких завитков, при дневном свете каштановый цвет отлиывает рыжиной. Мне сразу хочется такую же бордовую юбку – с запахом, длиной в пол.

– Доброе утро!

– Ну что, дела идут?

Уитни достает коробочку с новыми красками.

– Идут, идут! Пятнадцать клиентов за шесть часов.

Да, правильно – за шесть. Причем один клиент две посуды расписал. И у меня новая подружка. А еще... – Я играю бровями, интригую. – Еще я познакомилась с парнем.

Уитни заранее расплывается в улыбке, вся подается ко мне.

– Что ты говоришь!

Так и вижу Джонаса – вихрастого, с глазами того оттенка, какой приобретает кофе, когда долго глядишь в полную чашку. Знаете, такой глубокий коричневый цвет с переходом в черный. Теплый. Дразнящий вкусовые рецепторы.

– Он просто красавчик.

– Я его знаю? Он местный или отпускник?

Уитни потирает руки, словно готовится принять целый

букет смачных подробностей.

– Местный. Его зовут Джонас.

Имя прямо просится, чтобы его растягивали, произносили по слогам. Джооо-нааа. Мне нравятся эти долгие «о» и «а»; мне нравится сонорный «н», заставляющий коснуться нёба языком. Чтобы произнести мое имя, требуется задействовать только нижнюю губу да передние зубы. Бровь Уитни подпрыгивает на целый дюйм, бронзовеет в луче послеполуденного света.

– Джонас Дэниэлс?

– Фамилии не знаю. Среднего роста, темноволосый. У него очень славная сестренка Лия. И переутомленный вид.

– Ну да, это Джонас Дэниэлс.

Уитни, минуту назад пускавшая слюнки, теперь взволнованна. Не пойму, какая подробность ее так напрягла. У Джонаса что, девушка есть? Значит, мои акции резко упадут. Потом я их подниму, конечно, но все равно это неприятно. Понадобится время, а я не отличаюсь терпеливостью. У меня – планы. Хорошие планы. Уитни плотно сцепляет пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.